

Разговоры эти не представляли для меня интереса, а на другой половинѣ почетные гости сидѣли уже за двумя столами и играли въ карты.

Но вотъ „первую пулю“ кончили, пошла въ ходъ бухгалтерія; въ качествѣ опытныхъ счетоводовъ этимъ занялись на одномъ столѣ акцизникъ, на другомъ Василий Никандръчъ. Разсчетъ, хотя и не безъ споровъ о какомъ-то замѣшавшемся въ балансѣ гривенникѣ, котораго никто не желалъ принять за свой коштъ, кончился все-таки благополучно; всѣ встали, расправляя усталыя спины, и направились къ закускѣ. Нападеніе на нее было сдѣлано такъ дружно, что содержимое графиновъ, бутылокъ, тарелокъ и блюдъ сразу исчезло въ глубинѣ утробъ. Поразвеселились, языки развязались, и какъ бы вознаграждая себя за долгое молчаніе, заговорили теперь безъ всякихъ предостереженій; рассказывались анекдоты, отъ которыхъ собесѣдники много смѣялись. Послѣ закуски, обратились опять къ прежнему занятію.

Фонъ-Шульдъ проигрываетъ.

— Несчастливы въ картахъ—счастливы въ любви-съ,—утѣшать его Лапкинь и тотчасъ же вызывалъ изъ другой половины Александру Васильевну!

— Саша! Саничка! — кричалъ онъ: — иди сюда къ намъ!.. Сядь вотъ рядомъ съ Эдуардъ Карлычемъ, можетъ быть, ты имъ счастье принесешь.

Дочь исполняла волю отца.

— Саничка!—не отставай лебезить Лапкинь:—что жъ ты, дружечикъ, не поговоришь съ ними по-французски, а? Поговори, милочка, поговори!

Въ одиннадцать часовъ вечера мы собрались домой. На дворѣ насъ обдало запахомъ гари: въ кухнѣ у Лапкиныхъ пылала плита, слышался стукъ поварскихъ ножей и перебранка повара съ прислугой.

Приготовляли ужинъ.

XIV.

Вскорѣ послѣ того мы узнали новость, весьма важную по мѣстному интересу,—новость, сильно взволновавшую Ивана Яковлевича.

Разъ возвращались мы съ нимъ изъ поля и только-что выѣхали на большую городскую дорогу, смотримъ—на встрѣчу намъ несется телѣга. Пара немилосердно нахлестанныхъ и усталыхъ